

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1984.3.04>

Нина ТОРПАН

ФИНАНСОВО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ В ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНИИ В 1911—1917 гг.*

**(Из истории государственно-монополистического
капитализма в России)**

Организация Гранатного Комитета изложена в договоре от 29 июля 1915 г. В соответствии с этим договором управление деятельностью Гранатного Комитета осуществлял Совет, в который входили представители от заводов группировки Русско-Азиатский банк — «Шнейдер и К^о». Председателем Совета стал А. И. Путилов. Совет собирался еженедельно «для наблюдения за правильным ходом дела поставок принятого подряда».⁶⁴ Для руководства выполнением заказа был образован Особый Комитет при правлении Путиловского общества, в состав которого вошли члены правлений Путиловского и других обществ: А. К. Дрейер, Л. И. Игнатьев, Н. Е. Панафидин, А. Ф. Бринк, И. И. Перони. Особый Комитет занимался оперативным надзором за исполнением поставок участниками группы, к его функциям относилось составление расчетов с заказчиками и контрагентами, счетоводство, активирование, статистика заказов, переписка, делопроизводство и т. п. Особый Комитет выполнял функции синдикатской конторы при Гранатном Комитете, который можно рассматривать как военно-промышленный синдикат.

Гранатный Комитет использовал два вида цен. Прежде всего были установлены средние цены на части гранатных патронов. Так, граната — 12 руб. 50 коп., гильза — 7 руб. 10 коп., детонатор — 9 руб. 80 коп., сборка его — 1 руб. 75 коп., капсюльная втулка — 1 руб. 25 коп. Средняя цена комплекта без пороха — 32 руб. 40 коп., с пороховым зарядом — 40 руб. 70 коп. Эта цена была ниже средней по контракту № 125 на 1 руб. 30 коп. Для ежемесячных расчетов с заводами применялись т. н. низшие цены. Разница между ценами, по которым сдавали комплекты заказчику, и расчетными (низшими) ценами синдиката поступала в его резервный фонд.

Гранатный Комитет получил задаток почти в 34 млн. руб., из которого были выданы следующие авансы участникам соглашения: Русскому обществу для изготовления снарядов — 3,3 млн. руб., Русско-Балтийскому судостроительному обществу — 7 млн. руб., обществу Барановского — 6,5 млн. руб., обществу Невского завода — 500 тыс. руб., Российскому оптическому обществу — 750 тыс. руб., обществу Коломенского завода — 2670 тыс. руб., обществу Тульского завода —

* Продолжение. Начало см.: Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1984, № 2, 112—123.

⁶⁴ Центральный государственный исторический архив СССР (= ЦГИА), ф. 630, оп. 2, ед. хр. 490, л. 6; Государственный исторический архив Ленинградской области (= ГИАЛО), ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 221. Копия контракта от 29 июля 1915 г.

3 млн. руб., Путиловскому обществу — 3365 тыс. руб., фирме Шнейдера — 1625 тыс. руб.⁶⁵ Оставшаяся сумма, свыше 5 млн. руб., поступила на особый текущий счет в Русско-Азиатский банк для выдачи контрагентам по мере выполнения ими своей части заказа.

За исполнение роли организатора и руководителя гранатного соглашения Русско-Азиатский банк получил от Путиловского общества комиссионное вознаграждение в сумме 1,2 млн. руб., что равнялось всей чистой прибыли банка за 1914 г. Фирма Шнейдера за техническое содействие получила вознаграждение в 1,5 млн. руб. Кроме того, независимо от этих сумм, с каждого 3-дюймового гранатного патрона отчислялось в пользу Путиловского общества и Русско-Азиатского банка по 40 коп. и в пользу фирмы Шнейдера — по 50 коп.⁶⁶, т. е. с каждого патрона по 1 руб. 30 коп. в пользу заправил финансово-монополистической группировки. Причем эта сумма удерживалась с участников соглашения независимо от того, сдан заказ или нет.⁶⁷ Эти 1 руб. 30 коп. и представляли собой разницу между средней ценой Главного артиллерийского управления (ГАУ) и средней ценой гранатного синдиката. Суммы вознаграждения организаторам синдиката нарастали с каждым месяцем. Если за сентябрь общество Путиловских заводов получило 4 тыс. руб., то за октябрь — 8 тыс. руб., за декабрь — 20 тыс. руб., за январь — 30 тыс. руб., для Русско-Азиатского банка и фирмы Шнейдера суммы были еще выше.⁶⁸ Прибыли общества Путиловского завода росли, высшая администрация имела чрезмерно высокие оклады, а заработная плата рабочих оставалась на прежнем уровне и заводы общества не успевали выполнять поставки в установленные сроки.

Поток куртажных сумм был прерван наложением секвестра на Путиловский завод и назначением правительственного правления, которое приступило к работе 1 марта 1916 г. и с 3 марта прекратило платежи контрагентам гранатного соглашения.⁶⁹ Для группировки это было чувствительным ударом. В Русско-Азиатском банке 27 апреля 1916 г. состоялось заседание Совета гранатного соглашения, где рассматривались спешные вопросы данного заказа.⁷⁰ Изменить положение не удалось. Совет отказывался давать правительственному правлению Путиловского завода сведения о выполнении поставок, объясняя в письме от 5 августа 1916 г., что это «весьма затруднительно, так как создавшееся по этой поставке положение не было и не могло быть предусмотрено договором 29 июля 1915 г.»⁷¹ Контракт № 125 был аннулирован, о чем ГАУ известило заводы 26 мая 1916 г., и вслед за этим прекращаются платежи за уже изготовленные изделия. Сумма свыше 5 млн. руб. на особом текущем счете в Русско-Азиатском банке, предназначенная для расчетов по заказу на 3 млн. 3-дюймовых гранатных патронов, была снята правительственным правлением и использована по своему усмотрению. Вместе с тем заводы продолжали работать над заказом, а Особый Комитет действовал еще летом 1916 г. Таковы были ближайшие последствия секвестра Путиловского завода для финансовых олигархов.

Начались переговоры между ГАУ и заводами, бывшими участниками гранатного соглашения, о продолжении поставок и возобновлении договоров на новых условиях, по сниженным ценам. Переговоры при-

⁶⁵ ЦГИА, ф. 630, оп. 2, ед. хр. 482, л. 205; там же, ед. хр. 490, л. 45.

⁶⁶ ГИАЛО, ф. 1309, оп. 4, ед. хр. 5, л. 1, 2.

⁶⁷ ЦГИА, ф. 630, оп. 2, ед. хр. 490, л. 5.

⁶⁸ Там же, л. 47, 48, 61.

⁶⁹ Там же, ед. хр. 482, л. 198.

⁷⁰ ГИАЛО, ф. 1483, оп. 1, ед. хр. 122, л. 5.

⁷¹ Там же, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 221, л. 144.

няли затяжной характер, продолжались весь 1916 г. Правления обществ писали ходатайства и прошения в Совет министров, Председателю Особого совещания, военному министру и в другие инстанции с жалобами и просьбами в связи с расторжением контракта № 125. Совет Съездов металлообрабатывающей промышленности поддержал заводы Путиловской группы и в письме Председателю Особого совещания от 23 декабря 1916 г. заявил: «В отношении к данному вопросу Главного Артиллерийского управления Совет Съездов находит опасное начало в искусственном использовании секвестра Путиловского завода для осуществления... демобилизации заводов»⁷².

Русско-Балтийское судостроительное общество связывало свое тяжелое финансовое положение летом 1916 г. с расторжением договора о поставке 3 млн. 3-дюймовых гранатных патронов. Общество имело в этой поставке заказ на 800 тыс. гранат и 1,2 тыс. детонаторов без сборки. Заказ послужил непосредственной причиной создания артиллерийского отдела на Ревельском судостроительном заводе.⁷³ Общество Коломенского завода построило новый завод стоимостью 6 млн. руб. По заявлению общества Барановского, оно «произвело многомиллионные затраты по закупке материалов, пороха и проч. и заключило ряд обязательств с отечественными и иностранными фирмами...»⁷⁴. Это общество подало счет правительственному правлению Путиловского завода почти на 4 млн. руб.⁷⁵ Претензии относительно новых цен и несогласие с ними высказывали и другие заводы группы.

В Путиловской группе заводов сборкой детонаторов занимались только мастерские Российского оптического общества, которое часть заказов ГАУ передавало группе заводов во Франции. Российское общество получало металлические части детонаторов от Русско-Балтийского судостроительного и Коломенского заводов. Но, помимо этих частей, для снаряжения детонаторов нужны были капсулы, производство которых было налажено на Русско-Бельгийских патронных заводах в Москве. Однако после расторжения упомянутого договора эти заводы прекратили поставку капсуль Путиловской группе⁷⁶. В 1916 г. Российское общество совсем не обеспечило детонаторами эту группу заводов «по причине неполучения капсулей»⁷⁷. В результате заводы не давали конечной продукции, хотя и продолжали работать над заказом. Готовые трубки с капсулями ГАУ получало из Франции, а комплекты частей детонаторов — от группы заводов Шнейдера⁷⁸. Интересно, что французские заводы производили в день больше комплектов (20 тыс.), чем русские (15 тыс.)⁷⁹.

Таким образом, секвестр Путиловского завода и расторжение договора по заказу на 3 млн. 3-дюймовых гранатных патронов имели весьма противоречивые последствия. Во всяком случае ожиданий военного ведомства и казны они не оправдали. Финансовые магнаты лишились монопольных сверхприбылей от этого заказа, но и русские заводы не обеспечивали заказы ГАУ. Можно отметить, что если в «программе 10 февраля 1915 года» нашло отражение развитие государственно-монополистического капитализма, то секвестр отразил кризис государственно-монополистического регулирования военной экономики России.

⁷² Там же, ед. хр. 163, л. 9.

⁷³ Там же, ед. хр. 165 и 181.

⁷⁴ Там же, ф. 1307, оп. 1, ед. хр. 447, л. 160.

⁷⁵ Там же, л. 166.

⁷⁶ Там же, ф. 1483, оп. 1, ед. хр. 314, л. 7.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Российское общество выполняло заказы для уполномоченного ГАУ генерала С. Н. Ванкова, часть которых передавалась французским заводам.

⁷⁹ См.: ГИАЛО, ф. 1483, оп. 1, ед. хр. 240, 243.

Связь между Путиловским заводом и банками секвестром завода прервана не была, секвестр не означал ни перехода предприятия в казну, ни банкротства общества. В письме банков (Русско-Азиатский, Русский торгово-промышленный, Парижский Союз) от 11 марта 1916 г. сообщалось, что они готовы продолжать оказывать Обществу Путиловских заводов дальнейшую поддержку.⁸⁰ Русско-Азиатский банк выдавал значительные кредиты под авансы и платежи морского и артиллерийского ведомств, под правительственные ссуды, взимая за них, как правило, 8%.⁸¹ Французская группа банков добивалась возвращения аванса в 4,5 млн. руб., выданного по соглашению банков от 30 января 1914 г. и обеспеченного 70 тыс. акций Невского судостроительного общества, на которые также распространялся секвестр. Предприятие оставалось должником банков, правительственное правление оплатило значительную часть процентов, переписывало векселя, соглашалось с выписками банков о долгах.⁸² В апреле 1917 г. был снят секвестр с 70 тыс. акций Невского судостроительного общества и, таким образом, обществу Путиловских заводов разрешена продажа этих акций.⁸³ Развитие государственно-монополистического капитализма происходило в форме совместного, государственно-монополистического, финансового обеспечения предприятия.

В годы мировой войны государство финансировало предприятия общества «Беккер и К^о», переименованного в Общество Северо-Западных металлургических, механических и судостроительных заводов. Частный коммерческий банк, который создал и контролировал это общество, тоже продолжал финансировать его под авансы, платежи, ссуды правительственных учреждений. На 15 октября 1916 г. общество «Беккер и К^о» задолжало казне 48 млн. руб., Частному коммерческому банку 7,2 млн. руб., разным частным кредиторам (среди них был и Русско-Азиатский банк) 4,3 млн. руб.⁸⁴

В 1915 г. судостроительные работы на Ревельском заводе общества шли полным ходом, но перспектив на дальнейшие заказы не было. Происходила переориентировка производства на артиллерийские заказы, опять-таки при поощрении правительства. На Ревельском заводе изготовлялись взрыватели и линейные гранаты. Положение общества особенно осложнилось с весны 1915 г., когда были потеряны наиболее прибыльные Либавские заводы, а затем и заводы в Риге. Перспективы предприятию открывал заказ ГАУ на 300 тыс. штук 48-линейных фугасных гранат по цене 50 руб. за штуку, с условием производить их на заводе общества внутри России. В сентябре 1915 г. общество купило Горловский завод и заказало для него оборудование в Англии. Однако финансовое положение общества было таково, что возникла необходимость рассмотреть его в Особом совещании, где 9 января 1916 г. Родзянко заявил, что «завод Беккер, поглотивший чрезвычайно много казенных средств, может по существу считаться собственностью казны»⁸⁵. Однако он предложил лишь секвестрировать завод.

Обсуждение положения общества Северо-Западных заводов началось в сентябре 1916 г. Собственно, дальнейшая судьба предприятия была неясной ни для его владельцев, ни для казны. Предлагалось две меры — администрация кредиторов⁸⁶ или секвестр. На первой мере

⁸⁰ ЦГИА, ф. 630, оп. 2, ед. хр. 480, л. 120.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, ед. хр. 484.

⁸³ Журналы Особого совещания по обороне государства (= ЖОС), 1917 год, II. М., 1978, 305.

⁸⁴ ЖОС, 1916 год, III. М., 1977, 619.

⁸⁵ ЖОС, 1916 год, I. М., 1977, 19.

⁸⁶ Учреждение администрации кредиторов при несостоятельности предприятия было нередким явлением и в довоенное время.

наставвало Министерство финансов. Частному коммерческому банку она была невыгодна, так как позволила бы взыскивать с общества долги, а это означало потерю капитала. Банк предпочитал секвестр, при этом сохранялся капитал общества и заводы обеспечивались заказами и финансами. В пользу секвестра высказалось артиллерийское ведомство, особенно заинтересованное в Горловском заводе. Было принято решение о секвестре заводов (26 октября 1916 г.) с передачей их в управление ГАУ. Правительственное правление приступило к работе 7 ноября 1916 г., а 10 ноября Частный коммерческий банк оповестил правление, что «никаких ссуд давать не будет». Правление акционеров считало, что представители министерств в правительственном правлении «в силу своего положения успешнее получают деньги в Правительственных учреждениях, чем это могло делать Правление»⁸⁷.

Финансирование предприятия целиком ложилось на казну (оборудование Горловского завода еще не было окончено⁸⁸). Руководство Частного коммерческого банка понимало, что секвестр — мера временная, и предлагало планы реорганизации общества.

Общие собрания акционеров общества Северо-Западных заводов состоялись 28 ноября и 16 декабря 1916 г. (с разрешения военного министра).⁸⁹ На первом из них речь шла о том, что «уже теперь следует подумать о возможности для Общества дальнейшей самостоятельной деятельности», которую правление усматривало в развитии частного судостроения. Банк предложил следующую финансовую реорганизацию: девальвировать капитал на сумму утраченного акционерного капитала (8,8 млн. руб.), затем увеличить капитал до 24,2 млн. руб., выпустить облигации на 12,1 млн. руб. и погасить ими казенные ссуды.⁹⁰ На втором собрании акционеров это предложение банка было принято, но осуществить его уже не удалось.

Финансово-монополистическая группировка Частного коммерческого банка (в нее входили Русско-Азиатский, Торгово-промышленный банки и французский банк «Креди Мобилье Франсе») не отказалась от заводов, секвестр был для нее выгоден, он сохранял имущество и оставшийся капитал. Кроме того, если секвестрированное предприятие приносит прибыль, то из чистого дохода выплачиваются частные долги, казне же заводы были нужны для военного производства. Особенностью секвестра предприятий «Беккер и К^о» было то, что монополистические интересы банков и казенные интересы при сложившейся военно-экономической ситуации оказались более или менее скоординированными.

О секвестре заводов Русско-Балтийского судостроительного и механического общества

Секвестр каждого из предприятий, входивших в состав финансово-монополистических группировок России (Путиловский и Невский заводы, «Беккер и К^о», Русско-Балтийский судостроительный завод), имеет свою историю и особенности. Судьба Русско-Балтийского завода была трудной, как характеризуют ее эстонские историки.⁹¹ К секвестру этого предприятия можно отнести вывод К. Ф. Шаццло, сделанный им применительно ко всем перечисленным выше предприятиям: «казна просто

⁸⁷ ЦГИА, ф. 597, оп. 2, ед. хр. 285, л. 182.

⁸⁸ ГИАЛО, ф. 1563, оп. 1, ед. хр. 22, л. 43, 51.

⁸⁹ ЦГИА, ф. 630, оп. 2, ед. хр. 520.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ См.: Карма О., *Скореход* А. Трудная судьба. Краткая история Русско-Балтийского судостроительного завода. Таллин, 1971.

подобрала то, что по сути дела было выброшено финансовыми воротилами»⁹². Попытаемся объяснить особенности секвестра заводов Русско-Балтийского общества его историей в годы первой мировой войны.

Русско-Балтийское общество к началу войны приняло морских заказов на 34,1 млн. руб. Заказы поступали и в годы войны. Так, 28 мая 1916 г. с морским министерством был заключен контракт на постройку шести подводных лодок (срок октябрь 1918 — август 1919 гг.) на сумму свыше 21 млн. руб. и получен аванс 2,2 млн. руб.⁹³ В конце 1916 г. то же министерство сделало заказ на пять миноносцев типа «Гавриил» общей стоимостью 21,3 млн. руб. и некоторые другие заказы на общую сумму (вместе с миноносцами) 32,1 млн. руб., по которым общество ожидало аванс 3,2 млн. руб.⁹⁴ В годы войны на заводе в Таллине исполнялись довоенные заказы, самые крупные из них — два легких крейсера и шесть миноносцев.⁹⁵ Крейсера так и не были достроены, из миноносцев построены и сданы только два. О ценах на морские заказы, полученные во время войны, споров с министерством, как правило, не возникало. На некоторые заказы цена начислялась по себестоимости и 20% прибыли.⁹⁶ Довоенные заказы стали для общества невыгодными, авансы по ним выдавались по старым ценам, без учета условий военного времени. В ходатайстве общества от 16 июня 1916 г. Председателю Совета министров о ссуде было указано, что убытки от довоенных судостроительных заказов составили 6,5 млн. руб.⁹⁷ С точки зрения общества, довоенные заказы были одной из основных причин тяжелого финансового положения предприятия.

Заказов на артиллерийские снаряды общество имело к июню 1916 г. на 74 млн. руб.⁹⁸ В сентябре 1915 г. оно получило заказ на 242 500 48-линейных фугасных бомб на 10,9 млн. руб., а 20 декабря 1915 г. ГАУ повысило цены на эти снаряды, добавив по 5 руб. за штуку, с условием производить их на Таганрогском заводе.⁹⁹ Предприятие выполняло заказы на 42-линейные фугасные снаряды на сумму почти 8 млн. руб., на 6-дюймовые шрапнели, на 1,3 млн. штук взрывателей и др. Самым крупным был заказ Путиловской группы на гранаты и детонаторы, по которому только аванс составил 7 млн. руб. (30%). Заметим, что этот заказ уже по сниженным ценам был выполнен в феврале 1918 г. на сумму почти в 25 млн. руб.¹⁰⁰ Аннулирование договора Путиловской группы заводов крайне усиливает финансовую неустойчивость предприятия, заинтересованность банков в нем падает.

Лето и осень 1916 г. были переломными в истории Русско-Балтийского общества. Происходили события, которые свидетельствовали о продолжении кризиса государственно-монополистического регулирования военного производства и начале краха общества. Официальное письмо с отказом исполнять договор о заказе на 3 млн. 3-дюймовых гранатных патронов общество получило 26 мая 1916 г., а 31 мая

⁹² См.: *Шацлло К. Ф.* Из истории экономической политики царского правительства в годы первой мировой войны. (О причинах секвестра военно-промышленных предприятий). — В кн.: *Об особенностях империализма в России.* М., 1963, 229.

⁹³ ГИАЛО, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 23, л. 164.

⁹⁴ Там же, ед. хр. 163, л. 4.

⁹⁵ Во время войны завод выполнял и более мелкие заказы — тральщики, баржи, понтоны и др.

⁹⁶ ГИАЛО, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 364, л. 20.

⁹⁷ Там же, ед. хр. 579, л. 24.

⁹⁸ *Шацлло К. Ф.* Из истории экономической политики, 226.

⁹⁹ ГИАЛО, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 183, л. 90.

¹⁰⁰ Там же, ед. хр. 221.

состоялось общее собрание акционеров Русско-Балтийского общества. На это собрание прибыли представители финансово-монополистической группировки: Русско-Азиатского банка, Русского торгово-промышленного банка, Русского общества для изготовления снарядов, банка Парижский Союз, фирмы Шнейдера, банкирских домов «Ж. Гюнсбург и К^о», «Тальман и К^о».¹⁰¹ Решения этого собрания, к сожалению, обнаружить не удалось, но можно полагать, что собрание посвящалось и Гранатному Комитету. В последующие месяцы Русско-Балтийское общество не соглашалось на дальнейшую поставку гранат и детонаторов по сниженной цене, предложенной ГАУ, например, за гранату по 12 руб. вместо 12 руб. 50 коп. по расторгнутому договору. Только в сентябре 1916 г. общество согласилось на эту цену, когда получило от начальника ГАУ уведомление о возможности прекращения приемки гранат (новый контракт был заключен 10 декабря 1916 г.). Правление общества 22 сентября писало в ГАУ: «правление... не находя возможности дальнейшего продолжения работы заводов на государственную оборону вследствие неполучения платежей за исполненные предметы по договору, заключенному с Путиловским заводом, настоящим изъясняет согласие на получение заказа на 800 000 штук 3-дюймовых гранат по цене 12 руб. за штуку».¹⁰²

Русско-Азиатский банк открывает кредиты Русско-Балтийскому обществу под авансы и платежи ведомств, под правительственные ссуды.¹⁰³ С июня 1916 г. банк начал выдавать кредиты под материальное обеспечение, которым являлось имущество предприятия. Основным источником финансирования была казна. В 1915 г. Государственный банк открыл обществу долгосрочную ссуду в 7,5 млн. руб. на окончательную достройку и оборудование завода в Таллине, одновременно в правление общества был введен представитель морского министерства.¹⁰⁴ Кроме того, банк обеспечивал предприятия краткосрочными ссудами. Летом 1916 г. выдается ссуда в 1,5 млн. руб. с условием введения в правление общества представителя от Министерства финансов И. К. Христофорова. Все ссуды и кредиты поступали в распоряжение акционерного правления и использовались по его усмотрению. Однако эти средства не стабилизировали положения общества.

В начале октября 1916 г. общество оказалось накануне банкротства, 8 октября в кассе общества насчитывалось 47 тыс. руб., а предстояли срочные платежи на сумму свыше 1 млн. руб. Спас положение Русско-Азиатский банк. Правление общества с согласия и по совету Христофорова 9 октября обращается к банку с просьбой об отсрочке погашения кредита около 1 млн. руб., выданного банком под ассигновку ГАУ, которую общество не получило в срок. Соглашаясь на такую отсрочку, Путилов и Бутри писали 11 октября 1916 г. в правление Русско-Балтийского общества: «Мы, конечно, не колебались бы ни минуты отказать Вам в исполнении этой просьбы, если бы речь шла не об опасении немедленного... прекращения производства на Ваших заводах предметов Государственной обороны».¹⁰⁵ В этом письме руководители банка констатируют, что финансовая поддержка, которую банк оказывает обществу, имеет формы совершенно необычные. Так, общество получает кредиты под залог коносаментов на заграничные заказы орудий и материалов, под залог материалов на складах Ревельского завода, в ссуду под платежи за сданные ведомству 3-дюймовые гранаты, наконец, под упомянутую ассигновку ГАУ. Таким образом,

¹⁰¹ Там же, ед. хр. 223, л. 2, 3.

¹⁰² ЦГИА, ф. 630, оп. 2, ед. хр. 504, л. 205.

¹⁰³ Там же, ед. хр. 502; там же, ед. хр. 504.

¹⁰⁴ ГИАЛО, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 363, л. 43.

¹⁰⁵ ЦГИА, ф. 630, оп. 2, ед. хр. 504, л. 221.

банк поддерживал предприятие, но при этом закреплял за собой все возможные права. К 11 октября 1916 г. стоимость залогов составила 10,4 млн. руб., из них свыше 6 млн. руб. были материальные залогов.¹⁰⁶

Правительственные финансовые органы в свою очередь стремились заручиться гарантиями на свои ссуды и кредиты. В этом плане характерен следующий факт. По соглашению 2 июля 1914 г. в Брюсселе консорциум русских и французских банков открыл Русско-Балтийскому обществу кредит на 5 млн. руб. под обеспечение 40 тыс. 5,5-процентных облигаций общества, выпуск которых был разрешен, но не реализован.¹⁰⁷ Этот же залог потребовал Государственный банк за долгосрочную ссуду (7,5 млн. руб.), открытую в 1915 г. Финансовые воротилы не хотели уступать. В письме от 1 декабря 1915 г. в правление Русско-Балтийского общества они писали: «...Вы отступили Государственному банку вышеуказанные облигации в покрытие открытого... Вам кредита... Вы распорядились нашим залогом»¹⁰⁸. Финансисты требовали возвращения всего долга с процентами и комиссионными не позже 31 декабря, т. е. в срок, предусмотренный контрактом. Эта конфликтная ситуация рассматривалась созданной по этому вопросу Особой комиссией Межведомственного совещания для авансирования частных предприятий, работающих на оборону. В конце концов состоялось соглашение с банками по рассрочке платежа долга при обязательстве общества уплатить проценты, которых на 24 октября 1915 г. накопилось на 128 тыс. руб. Министерство финансов в апреле 1916 г. получило временное облигационное свидетельство на 7,5 млн. руб. в обеспечение полученной Русско-Балтийским обществом от Государственного банка ссуды на окончательную достройку и оборудование завода в Таллине.¹⁰⁹ Министерство финансов, таким образом, реализовало облигационный заем, о котором договорился консорциум банков в Брюсселе. Банки неоднократно пытались получить свой аванс (общество использовало из него 3 млн. руб.), требовали его возвращения в марте 1917 г., но общество, не имея средств, переписывало лишь долговые векселя.

Министерство финансов вообще возражало против материальных залогов за кредиты Русско-Азиатского банка. Христофоров 10 августа 1916 г. писал в правление Русско-Балтийского общества, что «едва ли можно признать юридически правильным предоставление Русско-Азиатскому банку права продажи в свою пользу части имущества Русско-Балтийского общества».¹¹⁰ Правление общества заверяло министерство, что оно прибегнет к ссуде, обеспеченной имуществом завода, в крайнем случае и в пределах крайней необходимости. Но это делалось с целью получить дополнительные казенные ссуды. Документы на материальные залогов общество выдавало банку ежемесячно.

Между тем общество продолжало расширять Ревельский завод: строили новую механическую, дооборудовали турбинную мастерские, расширяли литейную и кузнечную. Финансовый дефицит общества нарастал. Так, возведение Таганрогского завода обошлось дороже на 7 млн. руб., чем предполагалось, росли оклады высшей администрации (до десятков тысяч рублей в год).

Угроза учреждения администрации над Русско-Балтийским заводом нависла осенью 1916 г., когда Особая комиссия Межведомственного

¹⁰⁶ ЦГИА, ф. 630, оп. 2, ед. хр. 504, л. 220.

¹⁰⁷ Доля в авансе: Русско-Азиатский банк 46,5%, Парижский Союз и Генеральное Бельгийское общество 23,25%, «Шнейдер и К^о» 7%, «Тальман и К^о» 11,625%, «Ж. Гюнсбург и К^о» 11,625%.

¹⁰⁸ ЦГИА, ф. 630, оп. 2, ед. хр. 503, л. 94—95.

¹⁰⁹ ГИАЛО, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 363, л. 10, 11.

¹¹⁰ Там же, л. 28.

совещания для авансирования частных предприятий под председательством Христофорова, обследовав финансовое положение завода, обнаружила дефицит в 15 млн. руб. и подняла вопрос об учреждении администрации по делам общества.¹¹¹

В Особом совещании положение Русско-Балтийского общества начинаю обсуждать 17 декабря 1916 г. К этому времени дефицит общества достиг 26 млн. руб. По словам Христофорова, «ныне существующая организация правительственного надзора за деятельностью общества не обеспечивает правильности расходования отпускаемых обществу денежных сумм, ибо правительственным директорам, не имеющим распорядительной власти, приходится ограничиваться формальным контролем»¹¹². Однако большинство участников совещания, в том числе и представители министерств-заказчиков предприятия, высказывались против администрации или секвестра и стояли за дальнейшее финансирование предприятия из казны, продление артиллерийских заказов, повышение цен на морские заказы и т. д. Министерство финансов добились администрации или секвестра, а морское и артиллерийское министерства не принимали предложений государственной казны. Общество оставалось безразличным к прениям в совещании и даже не представляло затребованных финансовых данных. Секвестр как мера государственного управления крупным военным предприятием к концу 1916 г. уже обнаружил свою несостоятельность.

В мае 1917 г. в Особом совещании Христофоров вновь поднимает вопрос об учреждении администрации. По его мнению, эта мера дает в руки правительства как крупнейшего кредитора общества распорядительную власть, «фактическое руководство... сейчас принадлежит акционерному правлению»¹¹³. Сложилась необычная ситуация с точки зрения правовых норм: акционерный капитал был уже утрачен, но правление распоряжалось предприятием и его финансами.

Почти все лето 1917 г. в Особом совещании по обороне обсуждался вопрос о положении Русско-Балтийского общества. Заводы работали плохо, задолженность казне в июне 1917 г. выросла до 56,3 млн. руб.¹¹⁴, и невозможно было установить, как расходуются эти суммы. Инструкции Особого совещания правительственным директорам общества не содержали ничего конкретного. В них предлагалось охранять интересы государственной обороны и казны и вместе с тем заботиться «о возможном соблюдении интересов собственника предприятия».¹¹⁵ Особое совещание по сути дела защищало интересы крупных банков. Только 23 июня 1917 г. было создано исключительно правительственное правление во главе с генералом А. Л. Корольковым.

Предложение Министерства финансов о секвестре Русско-Балтийского общества впервые обсуждалось в Особом совещании 23 июня 1917 г. и было отклонено. В этот день Родзянко говорил нечто противоположное тому, что он доказывал осенью 1915 г. и зимой 1916 г. относительно Путиловского общества. Он считал, что «впредь до урегулирования вопроса с рабочими секвестр является преждевременным и нежелательным»¹¹⁶. К июлю 1917 г. задолженность Русско-Балтийского общества казне составила 111 млн. руб., банкам — 16 млн. руб., по счетам и вексям — 6 млн. руб. Имущество общества в это время оценивалось в 100 млн. руб. Правительственное правление настаивало на секвестре «так как лишь таким образом правление станет ответст-

¹¹¹ Там же, ед. хр. 561, л. 31.

¹¹² ЖОС, 1916 год, IV. М., 1977, 753.

¹¹³ ЖОС, 1917 год, III. М., 1978, 470.

¹¹⁴ ЖОС, 1917 год, II. М., 1978, 351.

¹¹⁵ ГИАЛО, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 372, л. 28.

¹¹⁶ ЖОС, 1917 год, III, 471.

венным только перед Особым совещанием и сможет погашать только те счета и векселя, оплата которых будет необходима для дела»¹¹⁷. Тем не менее с решением о секвестре тянули, боясь обострения отношений с рабочими. В сложившейся ситуации это было на руку финансовым олигархам, хотя временный характер такого положения общества был очевиден. Таков был государственно-монополистический капитализм периода Временного правительства.

Особое совещание наложило секвестр на Русско-Балтийский и Таганрогский заводы Русско-Балтийского общества 26 июля 1917 г. При этом Родзянко объяснял: «секвестр — мера временная, не исключаящая в дальнейшем свободного изменения положения предприятия в ту или иную сторону»¹¹⁸. На секвестр пошли из-за отсутствия другого выхода. Дело в том, что обществу был предъявлен долговой судебный иск, возникла опасность банкротства, что было не в интересах правительства. Предприятие выполняло артиллерийские заказы, заканчивало крейсер «Светлана» и несколько миноносцев¹¹⁹, хотя уже началось аннулирование некоторых морских заказов.

Об изменениях в составе акционеров Русско-Балтийского судостроительного общества Особому совещанию было известно. Из письма Королькова от 3 июля 1917 г. видно, что главным акционером стал военный чиновник К. А. Овчаров, у которого находилось $\frac{9}{10}$ акций общества¹²⁰.

Финансовые олигархи еще в декабре 1916 г. пошли на своеобразную сделку. На заседании правления Русско-Азиатского банка 22 декабря было принято решение о продаже Овчарову 72 450 акций Русско-Балтийского общества по цене 62 руб. за акцию. Условия продажи необычны. Овчаров вносил по 5 руб. наличными за каждую акцию не позднее 10 января 1917 г. На остальную сумму долга банк открыл специальный счет в форме ссуды, обеспеченной всеми купленными акциями из расчета 57 руб. за акцию. Вместе с тем банк блокировал эти акции до уплаты Русско-Балтийским обществом долга банку в 6,8 млн. руб.¹²¹ Сам Овчаров в дополнении к письму Русско-Азиатскому банку от 22 декабря 1916 г. заявлял: «Русско-Балтийское общество ныне состоит должником Банку около 12 млн. руб. Я обязуюсь оказать всякое содействие к уменьшению задолженности Банку на 6,8 млн. руб. . . . По уменьшению задолженности . . . я получаю право распоряжения приобретаемыми акциями без всяких ограничений»¹²². Судя по появлению новых акционеров общества в конце июня, начале июля 1917 г., это условие удалось выполнить, и сделка Русско-Азиатского банка, таким путем спасавшего свои капиталы, привела к желаемым результатам.¹²³

Секвестр заводов Русско-Балтийского общества не был огосударствлением предприятия. Правительственное правление, по разъяснению юрисконсульта Министерства финансов в письме от 24 сентября 1917 г., являлось управляющим предприятия и «представителем собст-

¹¹⁷ ЖОС, 1917 год, III, 559.

¹¹⁸ Там же, 621.

¹¹⁹ Второй крейсер, «Адмирал Грейг», был спущен на воду 26 ноября 1916 г.

¹²⁰ ГИАЛО, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 372, л. 33.

¹²¹ ЦГИА, ф. 630, оп. 1, ед. хр. 9, л. 195; там же, оп. 2, ед. хр. 505.

¹²² Там же, оп. 2, ед. хр. 505, л. 4.

¹²³ Известно, что новые акционеры провели годичное собрание, выбрали правление, а во время оккупации Таллина и Таганрога немцами пытались взять управление заводами в свои руки, с помощью немецких властей отстранили директора от правительственного правления (ГИАЛО, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 595; там же, ед. хр. 737). В сентябре 1918 г. началась передача дел завода правлению акционеров. В то же время немцы полным ходом вывозили станки с завода для восстановления Мюльграбенской верфи фирмы «Шихау» в Риге.

венника, обязанным блюсти интересы последнего, поскольку эти интересы не сталкиваются с целями, ради которых принят секвестр»¹²⁴. Такая трактовка секвестра означала его двойственность, в результате возникали такие условия, что ведомства не знали как управлять предприятием. В сентябре и октябре 1917 г. на заводах царил бесхозяйственность, производительность труда падала. Проблема управления осложнялась беспорядочной эвакуацией имущества Ревельского завода. В ноябре рабочие берут дело в свои руки и на предприятиях вводится рабочий контроль. Государственно-монополистическое регулирование военного производства привело к кризису и краху Русско-Балтийского судостроительного общества.

Таким образом, финансово-монополистические группировки с участием французского капитала, возникшие в годы перед первой мировой войной, были связаны с иностранными денежными рынками, с финансированием французских и бельгийских банков и ориентировались преимущественно на военно-судостроительные программы царского правительства. В годы первой мировой войны условия деятельности этих капиталистических монополий изменяются и их дальнейшее развитие происходит в процессе государственно-монополистического капитализма. В связи с этим вывод о «безуспешности» деятельности этих группировок, имеющийся в историко-экономической литературе¹²⁵, не дает представления о всей сложности происходивших в России в предреволюционные годы процессов развития монополистического капитализма.

Секвестр каждого военно-промышленного предприятия из состава финансово-монополистических группировок имел свои особенности. В целом секвестирование этих предприятий не было выражением слабости финансово-монополистических группировок. Противоречия перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический привели к кризису регулирования производства крупнейших военных предприятий, выражением которого и являются секвестры этих предприятий.

¹²⁴ ГИАЛО, ф. 2145, оп. 1, ед. хр. 377, л. 195.

¹²⁵ См.: Поликарпов В. В. Из истории военной промышленности России, 157.

Таллинский политехнический институт

Представил К. Сийливаск

Поступила в редакцию
19/V 1983

Niina TORPAN

SOJATÖÖSTUSE FINANTSMONOPOLISTLIKUD GRUPEERINGUD EESTI TERRITOORIUMIL AASTAIL 1911—1917

(Venemaa riigimonopolistliku kapitalismi ajaloost)

Artiklis on näidatud riigimonopolistliku kapitalismi eripära Eesti tööstuses ja esitatud seni vähetuntud andmeid Eesti sõjatehaseid (Vene-Balti tehast ning tehast «Bekker ja Ко») kontrollinud finantsmonopolistlike grupeeringute tegevuse kohta.

1911—1912 tegelesid nimetatud grupeeringute suurpangad laevatehaste aktsiate arvestus- ja emissiooniperatsioonidega välismaa rahaturul. Esimese maailmasõja ajal jätkasid sõjatööstusettevõtete aktsiate sündikaadid tegutsemist, kuid välisurgu enam ei kasutatud. Aktsiad paigutati riigisiselt, eelkõige jäid nad endistele omanikele.

Sõja-aastail avanesid finantsgrupeeringuile uued valitsemis- ja rikastumisvõimalused. Lähemale vaatlusele on võetud monopolistlik sõjatööstuskoondis «Granaadi Komi-

tee», mille asutas 1915. aastal rühmitis Vene-Aasia pank—Schneideri firma Cresdux'ist suurtükimürskude tootmiseks. Hiljem koondis lagunes.

Artiklis toodud faktid näitavad vastuolusid, mis kutsusid esile sõjatööstuse riigi-monopolistliku reguleerimise kriisi.

Tallinna Polütehniline Instituut

Toimetusse saabunud
19. V 1983

Niina TORPAN

FINANCE-MONOPOLISTIC GROUPS OF WAR INDUSTRY ON THE TERRITORY OF ESTONIA IN 1911—1917

(On the history of Russian state-monopolistic capitalism)

The article deals with the peculiarities of state-monopolistic capitalism in Estonian industry. Some hitherto insufficiently known facts about the activity of the finance-monopolistic groups that controlled the local military plants like the Russian Baltic Plant and the «Bekker and Co.» have been given.

In 1911—1912 the great banks of the above-mentioned groupings were engaged in the accounting and emission operations of the stocks of the shipyards on the foreign financial market. During World War I the stock syndicates of the war industry enterprises carried on their activities but did not use the foreign market any more. The stocks were invested within the state; mostly they belonged to their former owners.

During the war the financial groupings made use of new possibilities to control the market and enrich themselves. The author of the paper discusses in detail the work of the monopolistic war industry association «Grenade Committee», founded in 1915 by the Russian Asian Bank and the Schneider firm of Cresdux, for producing cannon shells. Later the association was liquidated.

The facts given in the article display the conflicts that brought about a crisis in the state-monopolistic organization of war industry.

Tallinn Technical University

Received
May 19, 1983